

Лицо Арагорна было озабоченным, когда он снова сел у костра, а его взгляд остановился на маленькой фигурке, уютно свернувшейся под одеялом. Он повидал немало жестокости за годы, проведенные в Среднеземье и в войнах, и видел много странных вещей, бродя по диким местам, но встреча с ребенком посреди пустыни потрясла даже его.

А тут еще и раны, полученные ребенком. Ему уже доводилось видеть и исцелять жертв пыток, и раны, которые он увидел на ребенке, кричали о нем. Ребенка пытали, но не только, его пытали долгое время, его тело было усеяно шрамами, старыми и новыми, и еще всякие мелочи: то, как он напрягался при резких движениях, как поглощал еду, словно умирал от голода, и еще тот простой факт, что у него не было имени, или имени, которое он знал.

Ребенка схватили, когда он был совсем маленьким, предположительно гоблины или орки, но, возможно, и банда разбойников. Родителей убили, а его оставили у тех, кто их схватил, возможно, для развлечения, ведь он знал, что стаи гоблинов часто играют со своими жертвами, прежде чем убить их. Потом что-то убило его похитителей, и ему удалось сбежать, но он был один в диких землях и, судя по лохмотьям, в которые был одет, и по тому, как он питался, какое-то время добывал себе пропитание сам.

Эта история соответствовала имеющимся данным, но все же оставались некоторые детали, которые озадачивали его. Например, как ребенок выучил эльфийский язык? Ни один эльф не стал бы отвечать за такое обращение с ребенком, а если бы его нашли, то позаботились бы о нем: эльфлинги были настолько редки, что о детях, будь то эльф или человек, заботились, и ему сразу вспомнилось детство в Ривенделле. Он был уверен, что ребенок не эльфлинг и, следовательно, всегда говорил на этом языке, поскольку уши мальчика не были заострены. Но столь же очевидно было и то, что ребенок не из здешних мест: он даже не смог распознать, когда говорил на обычном языке.

Он отбросил эту мысль. Неважно, откуда ребенок, Арагорн не собирался оставлять его здесь: ни один ребенок не выживет долго в диких землях, особенно тот, кто был ранен. Ребенок отправится с ними в Ривенделл, он знал, что среди эльфов ему будет безопасно, и там он сможет полностью исцелиться, он был уверен, что мальчик пережил то, что не должен был пережить ни один ребенок. Он внутренне нахмурился, вспомнив, каким легким был ребенок, и понял, что даже в таком темпе, какой он задал, его будет легко нести.

Голос Мерри вывел его из задумчивости: "Меньше всего я ожидал найти здесь ребенка Большого народа".

"Пока что это мошкара, мошкара, мошкара, отсутствие второго завтрака и много скалолазания", - ворчливо добавил Пиппин, - "Старина Бильбо ничего не говорил об этом, когда описывал свои приключения".

"Не говоря уже о курганных колдунах и Черных всадниках, - с дрожью сказал Сэм, - я и не подозревал, что на свете так много плохих вещей, если вы понимаете, о чем я".

Его слова были встречены кивками хоббитов. "Но странно, - размышлял Фродо, - видеть

ребенка так далеко отсюда, особенно говорящего на эльфийском, да еще так сильно раненного".

Раздались разные возгласы: "Так вот что это было!", и он увидел, как Мерри ткнул Пиппина в ребра,

"А этот болтал без умолку, когда было ясно, что он не понимает ни слова!"

Пиппин скорчил ему рожу: "А откуда мне было знать, что он не говорит на общем языке? Может, он живет здесь, в диких землях, такой же егерь, как Страйдер. Разве у них есть дети-рейнджеры?" Хоббиты разразились хохотом, а затем разговор перешел на другие темы, касающиеся трубочной травы и шира, но Пиппин, сам того не подозревая, дал ему еще один повод для размышлений.

Возможно ли, что ребенок был ребенком дунаданов? Это объяснило бы, почему он говорил исключительно на эльфийском, поскольку некоторые семьи, тесно связанные с эльфами, обычно не начинали обучать своих детей общему языку, пока те не начинали осваивать меч и лук в двадцать лет. Но он должен был знать, не был ли кто-нибудь из рейнджеров или их семей захвачен и убит за последние пятнадцать лет, поскольку ребенок выглядел не старше пяти лет, и, хотя он терял друзей, он не знал, что были потеряны дети или женщины.

Он отложил это расследование на потом. У него не было достаточно информации, чтобы найти ответы, и не было смысла ломать голову над имеющимися сведениями, когда они были еще так далеко от Ривенделла, когда Единое Кольцо было в пустыне, а Назгул уже подошел слишком близко. "Я буду нести первую и четвертую вахту, - сказал он им и услышал, как хоббиты застонали, но тут же поспешили к ранцам и стали доставать свои спальники, - Фродо и Пиппин - вторую, а Сэм и Мерри - третью. Названные хоббиты кивнули, на их лицах появились гримасы, но все они понимали необходимость этих действий, и вскоре поляна наполнилась глубоким ровным дыханием спящих, а Арагорн устроился на бревне, держа меч наготове, и начал первый ночной дозор.

Когда Гарри разбудило лёгкое прикосновение руки к его плечу, на востоке забрезжил рассвет. Он тут же вскочил на ноги, его глаза искали угрозу, а рука потянулась к палочке, которой там уже не было. Сердце немного успокоилось, когда над ним появилось лицо Арагорна, а в голове пронеслись события прошедшего дня. Волдеморт был мертв, он был в Среднеземье, как эльфийское дитя, и именно Арагорн нашел его и вылечил его раны. Убедившись, что на данный момент он в безопасности, он расслабился, насколько это было в его силах.

Не более чем через полчаса лагерь был собран, остатки костра засыпаны землей, и все съели простой завтрак, состоящий из плоского хлеба, яблока и нескольких полосок сушеного мяса. Хоббиты, особенно Пиппин, смотрели на еду с покорностью и некоторым отвращением, но Гарри набросился на еду, радуясь, что ему снова дали поесть, не обращая внимания на вкус и текстуру, не говоря уже о том, что годы, проведенные в Прайвет-Драйв, и год, потраченный на поиски Крестражей, довели его до того, что он был способен съесть практически все.

Теперь, спустя почти час, его несли, положив голову на плечо Арагорна, пока хоббиты по очереди предлагали имена. Узнав накануне, что у него нет имени, они с удовольствием придумывали имена, пока топтались в дикой местности, и постепенно Гарри почувствовал, что начинает расслабляться рядом с ними.

"Мэддок".

"Изенгрин".

"Фалько".

Гарри покачал головой, и из его горла вырвалось хихиканье: список имен становился все длиннее и возмутительнее, по крайней мере, на его взгляд. Даже Арагорн раз или два хихикнул над некоторыми предложениями, и Гарри поспешил отказаться от них, понимая, что если мужчина смеется, то имена не просто возмутительны для него.

Хоббиты продолжали предлагать имена в течение всего утра, но по мере того, как полдень приближался, он видел, что им все труднее и труднее придумывать хорошие имена, и паузы между предложениями становились все длиннее и длиннее. Именно во время такой паузы Арагорн наконец заговорил: "Элион", - тихо сказал он. Из всех предложенных имен это было первое, которое показалось ему подходящим или правильным.

Он наклонил голову, обдумывая его, прокручивая в голове и проверяя. Оно показалось ему подходящим, и он поднял глаза и кивнул, застенчивая улыбка озарила его лицо. Тут раздался возглас одного из хоббитов и внезапные аплодисменты. Он слегка подпрыгнул от неожиданного шума, но его разум быстро переквалифицировал его в нечто не угрожающее, и он расслабился, прижавшись к плечу Арагорна.

Хоббиты быстро прекратили хлопать, увидев его реакцию, и теперь ухмылялись, глядя на него. "Привет, Элион, - медленно произнес Фродо, его эльфийский язык местами немного запинаясь, но все же был верен.

"Привет, - пробормотал Гарри в ответ, поглубже зарываясь пальцами в плащ Арагорна. Несмотря на то, что ему становилось все комфортнее рядом с ними, он все еще был настороже, и эта настороженность переходила в застенчивость, но Фродо не беспокоило его нежелание говорить, и он легко заполнил тишину, рассказывая ему на ломаном эльфийском о Шире, волшебнике по имени Гэндальф и фейерверках. Иногда кто-нибудь из других хоббитов вставлял что-нибудь, и Фродо старательно переводил, но пока Гарри слушал истории, он еще и наблюдал.